

Афган: последняя война СССР

Спецназ ГРУ в Кандагаре

Военная хроника

Александр ШИПУНОВ

Афган: Последняя война СССР

Александр Шипунов

**Спецназ ГРУ в Кандагаре.
Военная хроника**

«Яуза»

2014

Шипунов А.

Спецназ ГРУ в Кандагаре. Военная хроника / А. Шипунов — «Яуза», 2014 — (Афган: Последняя война СССР)

«Кандаки Максуз» – так величали в Афгане спецназ ГРУ, с которым у «духов» были особые счеты и которого они боялись как огня. В разгар Афганской войны автор этой книги служил разведчиком-минером в 173-м отдельном отряде спецназа в Кандагаре – главном оплоте «непримиримых». В своих мемуарах он детально, вплоть до мельчайших подробностей, рассказывает о боевой работе спецназа: о десантах, налетах и засадах на караванные маршруты. О том, как «забивали» караваны и «рубили» бегущих душманов из автоматов, пулеметов и АГС. О тонкостях подрывного дела и беспощадной минной войне в «розовых горах Кандагара». О том, как остановить вражеский транспорт мощной миной направленного действия и, заранее просчитав пути отхода боевиков, накрыть их следующим взрывом. О тех, кто сполна рассчитался с «духами» за смерть друзей и теперь с полным правом может сказать: «Ни о чем не жалею!»

© Шипунов А., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

«Ни о чем не жалею»	6
О роте минирования и ее роли	8
Извилистый путь в отряд	9
Когда содержание не соответствует названию	12
Каков поп, таков и приход	13
Попытка начать воевать	15
Изгой в среде офицеров	18
Сидоренко	19
«Раман Михалыч»	20
«Уклонистам» места нет	24
Эпилог	28
Школа боя и школа жизни	31
1071-й Отдельный учебный полк специального назначения	31
Разведки Ленинградского военного округа	
Учебные подразделения и полк	32
Город Печоры	33
Штат и структура полка	34
Процесс обучения	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Шипунов

Спецназ ГРУ в Кандагаре. Военная хроника

© Шипунов А. В., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

«Ни о чем не жалею»

В период с лета 1985-го по осень 1986 года проходил срочную службу в 3-м отдельном мотострелковом батальоне, который дислоцировался в провинции Кандагар Демократической Республики Афганистан.

3-й омсб – это условное закрытое наименование 173-го отдельного отряда спецназа, который вошел в ДРА в феврале 1984 года и с первых месяцев пребывания в Афганистане постоянно наносил моджахедам весьма ощутимые удары, громя их караваны и исламские комитеты, при этом имея минимальные потери.

Я служил в роте минирования отряда и именно о своей роте, о ее становлении, о разной роли офицеров в этом процессе хочу рассказать.

Кандагарский аэропорт Ариана

Пункт постоянной дислокации 173-го отдельного отряда спецназа с высоты птичьего полета

О роте минирования и ее роли

Рота минирования была сформирована летом 1985 года. До этого в отряде была группа минирования. Незадолго до создания роты из-за возросшего объема задач, связанных с разминированием транспортных путей, в штат отрядов спецназ, воевавших в Афганистане, ввели инженерно-саперный взвод, а после этого было принято решение свести оба взвода в одну роту.

Основным видом боевой деятельности нашего отряда были засады. Основная задача подрывников – увеличение огневой мощи разведгруппы. Как эффективная работа подрывников во время боевого выхода увеличивала возможности группы, так и грамотная работа роты минирования увеличивала результативность всего отряда.

«Дымит забитый караван...»

Зона ответственности 173-го отряда имела географические особенности, позволяющие проводить засаду на автотранспорт противника в классическом ее варианте, что давало возможность минерам отряда в полной мере демонстрировать свой профессионализм. Грамотный специалист путем подрыва групп мин мог остановить несколько автомобилей одновременно, задать направление отхода противника и уничтожить его.

Исходя из сказанного выше, разведчик-минер в спецназе – это в первую очередь боец, дополнительно получивший углубленную подготовку по минноподрывному делу.

Извилистый путь в отряд

Воинскую специальность разведчика-минера я шесть месяцев постигал в 1071-м отдельном учебном полку специального назначения в городке Печоры Псковские, что на границе с Эстонией.

Наука эта давалась мне легко, учился я с интересом. Поэтому командир учебного взвода лейтенант Павлов решил оставить меня в роте в качестве сержанта. О таком предложении мечтали очень многие. Но не я. Сам я родом из Хабаровска. На момент призыва в армию имел первый спортивный разряд по парашютному спорту и более двухсот прыжков. Поэтому моим желанием было попасть в ближайшую к дому Уссурийскую бригаду спецназа, где я рассчитывал продолжить карьеру спортсмена-парашютиста. Однако командование роты настаивало на своем, а я оставался при своем. Поэтому на собеседовании у комбата, что называется, «включил дурака». После этого командиру учебной роты старшему лейтенанту Дикареву комбат высказал свое искреннее удивление тем, что на ответственную должность сержанта учебной роты он хочет назначить человека либо глупого, либо не желающего исполнять эту должность. И первое, и второе командиру учебного батальона было не нужно.

Долг платежом красен. И вот уже в аэропорту Пулково я ожидаю свой рейс на Ташкент.

Вопрос, почему из десяти узбеков – выпускников учебной роты – ни один не поехал с нами в город Чирчик, перестал быть загадкой сразу по прибытии в него. Здесь формировался новый 467-й отдельный учебный полк спецназа, сержантом учебной роты минирования которого я стал.

Создание весной 1985 года в городе Чирчик учебного полка для батальонов спецназа, воевавших в Афганистане, было важным событием, которое серьезно повысило качество прибывающего на войну контингента. Большим преимуществом для курсантов Чирчика было то, что с первых дней будущие бойцы отдельных «афганских» отрядов проходили службу в климатических условиях, максимально приближенных к афганским, в подразделении, специально созданном для нужд этих отрядов. Полк дислоцировался в бывших казармах 15-й отдельной бригады спецназа, недавно ушедшей в Джелалабад. Дух идущей рядом «настоящей» войны ощущался с первых минут пребывания в нем.

Командир отделения учебной роты минирования, 467-й отдельный учебный полк спецназа, г. Чирчик, май 1985 г.

Командовал частью кавалер ордена Ленина, командир легендарного мусульманского батальона, взявшего штурмом дворец Амина, полковник Холбаев. Полк работал, как хорошо отлаженный механизм.

Несмотря на то что старший лейтенант Дикарев, вопреки моему желанию, добился того, чтобы я стал сержантом учебной роты, поговорка «стерпится – слюбится» – это не про меня. Я тяготился своей должностью. Зная о том, что все курсанты после обучения пополняют ряды отдельных отрядов, воюющих в Афганистане, с юношеским максимализмом считал, что не имею морального права жестко требовать с моих подопечных. Также покоя не давала мысль о ребятах моего призыва, с кем я успел сдружиться и которые по очереди отправились в «воюющий» 154-й Джелалабадский отряд. Поэтому я стал «терроризировать» командира учебной роты рапортами с просьбой отправить меня в Афганистан. Ротный, капитан Смажный, кавалер двух орденов Красной Звезды, сам хлебнувший из «афганской чаши» сполна, пытался вразумить меня: «Куда ты сам лезешь?» Но не достучался. Прозябать в «учебке», пока мои товарищи творят историю?! Дух военной романтики гнал меня вперед: «Опять тревога, опять мы ночью вступаем в бой...»

Не дорожа своей должностью, я «залетел по-крупному» и был отправлен «за речку». Так я попал служить в 173-й отряд, в роту минирования.

Воистину неисповедимы пути Господни!

Когда содержание не соответствует названию

Рота, в которую я попал, меня неприятно удивила. То, что я видел, не соответствовало моим ожиданиям. И вот почему. К осени 1985 года в роте не было ни одного специалиста, окончившего спецназовское учебное заведение по специальности «разведчик-минер». Подавляющее большинство – это выпускники общевойсковых учебных полков. «Спецназовцами» и «специалистами» они стали по факту зачисления в штат. Прибыл в отряд – спецназовец! Попал в роту минирования – минер! Уровень их профессиональной подготовки был крайне низким. Большинство не знало элементарных вещей: тактико-технических характеристик основных мин, правил их установки и применения.

Как я узнал немного позднее, группа минирования отряда на момент ввода в Афганистан была укомплектована разведчиками-минерами 173-го отряда и 12-й бригады, которые имели соответствующую подготовку и спецназовский дух. Командиры групп на начальном этапе неоднократно пытались применять мины, но работать приходилось под самым носом у «духов»¹, и потому всякий раз, как только минеры выходили к дороге с зарядами, их, а значит, и группу обнаруживали. В результате командиры групп постепенно отказались от мысли применять мины в засаде.

Хотя конкретных результатов подрывники не давали, группа честно делала свою работу. Но те, кого набирали и готовили еще в 12-й бригаде спецназа, постепенно уволились в запас и их сменили бойцы, прибывшие из обычных инженерных учебных полков, что отрицательно сказалось на качестве состава группы, а потом и роты. Поэтому на «выходы» этих «минеров» командиры групп брали неохотно, а роль их сводилась к роли автоматчиков, у которых есть мины. Случаев грамотной, результативной работы минеров не было.

Внутреннюю обстановку в роте здоровой также не назовешь. Низкий боевой дух приводил к тому, что «на войну» не рвались, а по возможности даже избегали. Встречались отдельные «экземпляры», которые за полтора года службы сходили на «боевые» четыре раза. При этом подробности каждого, на мой взгляд, рядового «выхода» вспоминались ими со священным трепетом.

Рота минирования более походила на комендантскую: участвовала в проводке отрядных колонн, старательно несла караульно-постовую службу и отличалась поддержанием образцового внутреннего порядка. Помню даже попытки добиться «отбития кантов» у одеял на кроватях, и это в палатках в условиях Афганистана.

Поэтому как человек, прошедший два учебных полка и имеющий представление о том, каким должен быть уровень познаний и подготовки разведчика-минера в спецназе, я оценивал уровень боевой подготовки роты на слабенькую троечку.

¹ Разг. от душман – враг (перс.).

Каков поп, таков и приход

«Каков поп, таков и приход» – гласит старинная русская пословица. Она в полной мере отражала состояние дел в роте. Нет, внешне все было очень хорошо и даже более того – прекрасно. Прекрасно ровно настолько, что наш командир роты старший лейтенант Кочкин умудрился в Афганистане в одном из самых боевых подразделений спецназа 40-й армии, не выходя из расположения на войну, получить досрочно звание «капитан» именно за образцовый внутренний порядок. В день присвоения звания он построил роту и объявил: «Капитаном я стал в 25 лет, в 27 буду майором». В ответ по солдатским шеренгам прошел стон...

Внутренний порядок, строевая выправка, ротное хозяйство – все это было его коньком. Он был типичным хорошим офицером мирного времени. И если бы было можно, он бы до замены не ходил на войну, а занимался тем, что ему близко и дорого. К сожалению, близко и дорого его сердцу карьериста было и знание обо всем, что творится в роте. Поэтому он выстроил в роте систему стукачества и доносительства, которую смог бы оценить сам Лаврентий Павлович Берия. Стараниями Кочкина в роте был создан круг избранных – «лиц, особо приближенных». Как это обычно и бывает, человеческие качества этих личностей оставляли желать лучшего.

Капитан Кочкин, командир роты минирования 173 ооСпН, осень 1985 г.

Тем не менее жизнь, как и люди, состоит из полутонов, и было бы несправедливо мазать Кочкина только черной краской. Как бы то ни было, он был способный офицер, не лишенный определенных дарований. Но, как мне кажется, Кочкин поздно спохватился, что здесь не Союз и деятельность офицера оценивается по результатам его подразделения. А результаты спецназа на этой войне – это забытые караваны и разгромленные базы «моджахедов». Бойцы подразде-

лений 173-го отряда решали задачи куда более важные, чем подметание дорожек и выравнивание по нитке солдатских кроватей. Будучи человеком неглупым, Кочкин понимал, что со временем от него будут требовать больше, чем блистать на смотрах и проверках.

Боевые трофеи Кандагарского отряда

Попытка начать воевать

Он попытался вытянуть боевую работу в роте на нужный уровень. Сам он был неплохо подготовлен в профессиональном отношении, но опереться ему в этом в его роте было не на кого. Поэтому его ставка была на меня, недавно прибывшего. Это меня в целом устраивало. В то время мои интересы по созданию боевого коллектива совпадали с интересами ротного. В конце ноября я узнал, что на Кандагарской пересылке ждут распределения по бригадам мои бывшие курсанты из Чирчикского учебного полка. Я предложил Кочкину самим отобрать бойцов в роту, пояснив, что был сержантом в учебной роте и знаю их личные качества. Кочкин заинтересовался предложением и приказал мне составить список фамилий. Таким образом, уже осенью в роту прибыли хорошо обученные разведчики-минеры первого выпуска 467-го оупСпН².

² Отдельный учебный полк специального назначения.

Подрывники первого выпуска 467-го оупСпН, в Кандагарском батальоне спецназа, осень 1987 г.

Результат засады спецназа на караван противника, уничтоженный пикап «Симург»

Первый результат мы дали 13 января 1986 года. Под Кандагаром минами был остановлен караван из трех автомобилей, два из них во время боя загорелись. Реактивные снаряды, лежащие в кузовах, стартовали и накрыли близлежащий кишлак, где находились моджахеды. Третий автомобиль, груженный трофеями, под прикрытием «брони»³ своим ходом пригнали в батальон. Со стороны спецназовцев потерь не было.

Кочкин был вне себя от радости: «Мы первые в спец назе остановили машины минами». Не знаю, насколько это утверждение соответствовало действительности, но верно было одно: теперь он мог претендовать на место в одном ряду с боевыми офицерами отряда, которые, откровенно говоря, заметно его сторонились. Его карьеризм был слишком очевиден.

Повернувшись «лицом к войне», он стал настойчиво внедрять новые средства взрывания. Появление на вооружении роты беспроводных радиолиний ПД-430 позволило управлять подрывом с больших дистанций, не демаскируя группу проводами. Вот только время для обучения и слаживания боевого коллектива было безвозвратно потрачено на пускание пыли в глаза, развитие «стукачества». Одним словом, боевой коллектив Кочкину создать не удалось. Несмотря на «свежую кровь», пацифистский дух в роте преобладал.

³ Разг. – обобщенное название бронетехники.

Изгой в среде офицеров

Офицеры отряда не зря сторонились этого выскочки. Для них, как и для меня и моих товарищей, отряд – это семья. С четкой иерархией, своими проблемами, даже «перегибами», но здоровая, крепкая семья. И потому до сих пор и у офицеров, и у солдат сердце вздрагивает при слове «Кандагар», и это со мной до конца.

Отряд не стал для Кочкина родным. Службу в отряде он использовал как ступень, как трамплин в своем карьерном росте, способный забросить его на желанную карьерную высоту. И это в нем чувствовалось. Не было в этом человеке главного – способности упереться, «закусить», стоять до конца, не было жертвенности, а эти качества являются основой духа спецназа ГРУ, духа воина. Желание получить как можно больше дивидендов от двух лет службы в Афганистане, не считаясь при этом ни с чем и ни с кем, сыграло с ним злую шутку. Выстраивая роту под свои узкие интересы, занимаясь очковитирательством и соблюдением внешней пристойности, он забывал о главной своей задаче – организации боевой работы роты и интеграции ее в боевую работу отряда. Подменяя общий интерес узконаправленным личным, он вырастил соответствующих солдат. Поэтому все, что произошло с ним в дальнейшем, – это дело его же рук.

Как только Кочкин стал посягать на «привилегии» тех, на кого он опирался и кто боялся войны как черт ладана, группа старослужащих написала донос в «особый отдел»⁴. Опирались они на факты, на мой взгляд, не заслуживающие суровых санкций. Но, несмотря на мелочность обвинений, делу дали ход. Офицеры батальона откровенно не любили его как инородное тело в сплоченном коллективе, мешающее нормальной жизни, как камушек, попавший в ботинок во время марша, и потому они просто «вытряхнули его из этого ботинка».

События развивались стремительно. Утром – исключен из партии. В обед – отстранен от занимаемой должности. Вечером у Кочкина произошел нервный срыв, о чем сообщил забежавший к нам в палатку после отбоя замполит. Он также предупредил, что после состоявшегося мужского разговора с офицерами роты, не найдя у них сочувствия и понимания, Кочкин схватил заряженный пистолет Стечкина, гранату и направился в сторону расположения палаток личного состава роты, трясаясь от ярости и выкрикивая угрозы расправиться с виновниками его падения. Доносчики оцепенели. Думаю, эти минуты они запомнили на всю жизнь.

Кочкин же, видимо, поостыл и успокоился. Вряд ли бы он смог совершить такой безрассудный поступок, слишком уж был расчетлив.

Винить в происшедшем ему было некого. Он неправильно вел работу с людьми. Ведь в бойцах нужно настойчиво развивать лучшие качества сильного человека: верность, любовь к Родине, войскам, отряду; воспитывать желание отличиться ратным трудом на поле брани, а не умением угождать интересам начальства. Окружив себя людьми мышинной породы, он не учел, что в нужный момент они подведут.

Одним словом, за все нужно платить: поощряешь в человеке развитие низменных качеств – будь готов, это коснется и тебя. «Что посеешь, то и пожнешь».

⁴ Отдел военной контрразведки.

Сидоренко

Самые теплые воспоминания у меня связаны с личностью замполита роты Николая Сидоренко. Это был добрейшей души, преданный и любящий свое дело человек. Прослужив с десяток лет прапорщиком на Дальнем Востоке, он любил говорить: «Лейтенантом я стал в 34 года и потому служу не за звание». Он пришел в роту незадолго до падения Кочкина. Несмотря на властную натуру ротного, он не «лег под него», а вел самостоятельную линию. Довольно скоро мы поняли, что наконец роте повезло с замполитом. Он заботился о личном составе, как хороший отец. Солдаты платили ему тем же. Когда Кочкина сняли, он принял временное командование ротой на себя и «рулил» ею до назначения нового командира. Умудренный опытом, он воздействовал на нас словом, понимая, что любой нормальный человек за добро платит добром. Теперь мы знали, что есть старший товарищ, к которому в трудную минуту можно обратиться за помощью: он объективно рассудит спор, даст разумный совет. Для большинства «инженеров человеческих душ» – это яркий пример, как нужно работать. Офицеры роты тоже уважали его и прислушивались к его мнению. Сильно развитое чувство справедливости никогда не давало Сидоренко покоя. Нередко замполит успокаивал горячего и скорого на расправу командира группы минирования лейтенанта Михайлова, находя нужные доводы. И тот, будучи человеком неглупым, остывал и не принимал скоропалительных решений.

Опираясь на свой большой житейский опыт, Сидоренко смог решить одну из наиболее важных задач – создать в роте здоровый микроклимат и сплотить ее.

«Раман Михалыч»

Полярной противоположностью капитану Кочкину был командир группы минирования лейтенант Михайлов. Сын полковника, прошедший школу срочной службы, он был очень хорошо подготовлен физически и, что самое главное, был настоящим спецназовцем «по духу». Благодаря квадратным плечам культуриста, среди бойцов к нему сразу же прилепилась кличка «Рама». А так как папа Николай нарек его Михаилом, то позже, в знак уважения, его стали величать «Раман Михалыч» от Рама и Миши соответственно.

Окончив Тюменское военно-инженерное училище, Михайлов обладал углубленными знаниями в минноподрывном деле и применял их в полной мере. Он любил воевать, постоянно сам выходил с группами. К выполнению поставленной задачи относился творчески: постоянно придумывал и мастерил новые заряды, мины-сюрпризы, разрабатывал и осуществлял ранее не используемые схемы установки мин. Одним словом, был фанатом своего дела. Не трус, человек способный на поступок, волевой офицер, романтик в душе, он стал безусловным лидером в роте. Получив такого офицера в качестве комвзвода, рота постепенно стала «очищаться от шлака». Весной, когда последние «пацифисты» уволились в запас, боевой дух в роте заметно вырос.

Командир взвода минирования лейтенант Михайлов в боевой экипировке, весна 1986 г.

В июне Михайлов был назначен командиром роты, прослужив в офицерской должности всего год. Но этот служебный рост он воспринимал не как трамплин для построения карьеры, а, скорее, как получение новых возможностей для реализации своих замыслов по боевому при-

менению. Став ротным, он продолжал строго спрашивать за беспорядок и отсутствие дисциплины. Без этого, находясь в ППД⁵, воинское подразделение перестает быть таковым. В то же время он искал и находил новые решения, связанные с применением роты.

Командир роты минирования лейтенант Михайлов перед выполнением специального мероприятия, переодет в «духовскую» одежду, лето 1986 г.

⁵ ППД – пункт постоянной дислокации.

Минеры на «броню»

Для установки мин мы стали действовать, не только находясь в разведгруппах, но и в составе группы минирования нашей роты. Были случаи, когда рота выходила в полном составе для минирования отдельных направлений, где проходили караванные пути. Деятельность подразделения при новом командире кардинально изменилась.

«Уклонистам» места нет

Пришедшие осенью из «учебки» ребята, глядя, как активно воюет старший призыв, тянулись за нами. Появился азарт, возникло негласное соревнование, кто чаще придет с «войны» с результатом, а еще лучше, сам даст результат минами. Наши два призыва и стали костяком роты. Вновь прибывающим в роту бойцам уже некуда было деваться. Они попадали в среду, где «уклонистам» места не было. Ты мог уметь подтягиваться на турнике сто раз, прекрасно травить анекдоты, носить любое количество лычек на погонах, но если ты не воевал, то голос твой в роте последний. Причем мы не смотрели, из каких родов войск приходило пополнение. Главное, чтобы у них было стремление честно делать свое дело – воевать. «Назвался груздем, – полезай в кузов».

Подрывники на минировании караванного маршрута, июль 1986 г.

Сочетание различных факторов и то, что конкретные люди оказались в нужное время в нужном месте, благоприятно отразилось на результатах боевой деятельности. Благодаря этому рота регулярно давала результаты. Вот только несколько примеров.

В мае группа лейтенанта Шишакина забила автомобиль и трактор, спешивший на выручку. Машину и бежавшего противника уничтожили подрывом мин.

В августе Михайлов поразил автомобиль минами.

В сентябре в Аргестане группа лейтенанта Гугина минами остановила машину, уничтожив при этом группу из четырнадцати «душманов».

Кандагарский аэродром, стоянка вертолетного отряда, 205-го отдельной вертолетной эскадрильи, разведчики третьей роты вернулись из налета с пленными боевиками

На войне как на войне, уничтоженные спецназом в ночном бою бандиты

Увольняемые в запас военнослужащие роты минирования, май 1987 г.

Очередной автомобиль из каравана «душманов» уничтоженный спецназом

Так рота минирования наконец встала в один ряд с ротами спецназа нашего отряда. Командиры групп, которые раньше предпочитали минерам лишний пулемет, стали менять свое

отношение. Да и командование отряда, видя результаты «минной войны», настаивало на более широком применении минно-взрывных средств в засадах. В результате к осени 1986 года «на войну» без минеров не ходили.

Могу ошибиться, но, насколько мне известно от товарищей из других отрядов, больше, чем мы, минами машин в Афганистане никто не забил.

Эпилог

Завершая рассказ о нашей роте, хочу сказать несколько слов и о себе. В самом начале моей боевой карьеры произошел случай, который сильно изменил и меня, и мое отношение к войне. 27 октября 1985 года я потерял в бою друга. Его гибель сильно потрясла меня и окончательно определила цели МОЕЙ войны, рассеяв в моем сознании миф об «оказании интернациональной помощи». Теперь я понимал, что воюю для того, чтобы отомстить за погибшего товарища. Офицеры использовали мою «одержимость войной», чтобы манипулировать мной: «На войну не пойдешь, если...» Они прекрасно знали, что отлучение от войны было суровым наказанием для меня.

Так как минеры не были закреплены постоянно за определенной ротой, я имел возможность посмотреть в деле практически всех командиров групп отряда. В «засаду» сходил тридцать три раза, семь из которых были результативными. В трех засадах лично эффективно применял мины. От войны не бегал вплоть до увольнения в запас. Завершающий выход сделал в конце октября 1986 года. Ребята моего призыва в голубых беретах и парадной форме, на которой блестели боевые награды, поднимались на борт «дембельского» «ильюшина», когда я с очередной группой ехал в «Голубом муле»⁶ по рулежной дорожке Кандагарского аэродрома к вертолетам. У меня на глазах навернулись слезы, когда я подумал, что спустя несколько минут мои товарищи отправятся домой, а я – в очередную засаду. Но эта слабость длилась секунды. Вернувшись с «войны» в батальон, я на третий день улетел домой, как мне кажется, рассчитавшись с «духами» за смерть друга.

⁶ «Голубой мул»: здесь – автомобиль, перевозящий разведчиков отряда на аэродром.

Разведчик-радиоминер, рядовой Шипунов, октябрь 1986 г. Ни о чем не жалею

2 ноября 1986 года по трапу самолета мы сошли на родную землю и, пройдя таможенный досмотр в аэропорту Тузель, поехали в учебный полк навестить товарищей, продолжающих служить. В сумерках добрались до Чирчика. Город жил своей размеренной мирной жизнью. Увидев плавно катящийся троллейбус, мы долго молча наблюдали за ним. Через его огромные окна насквозь просматривался залитый светом салон, в котором беззаботно сидели люди, без тревоги смотрящие в темноту ночи. Позже помню, остановились возле автомата, продающего газированную воду. После кандагарской жажды и постоянного дефицита воды в засаде аппарат произвел почти магическое впечатление: кидаешь копейку, жмешь на кнопку – и льется вода. Чистая, холодная и без хлорки. И только тебе решать, сколько ее выпить – стакан, два или три...

В полку учебной ротой все так же командовал капитан Смажный. Встретившись, поздоровались, долго молчали.

– Ну и как? – он первый нарушил молчание.

– Ни о чем не жалею.

Школа боя и школа жизни

1071-й Отдельный учебный полк специального назначения Разведки Ленинградского военного округа

Создание в 1950 году первых подразделений специального назначения наших Вооруженных сил логически продолжило славную историю одного из наиболее значимых направлений советской Военной разведки.

В соответствии с инструкцией по боевому применению спецназовцы должны были вести разведку и уничтожать (выводить из строя) средства ядерного нападения, штабы, выявлять сосредоточения войск противника, организовывать партизанское и повстанческое движение, а также уничтожать одиозных лидеров враждебных режимов. При этом дальность действия разведывательных органов спецназа от линии фронта по сравнению с армейской разведкой была на порядок больше. Кроме того, у Генерального штаба впервые появились подразделения, имевшие возможность до начала боевых действий работать и через Государственную границу СССР, на территории других государств.

Военнослужащие для комплектования отдельных рот спецназа Главного Разведывательного Управления набирались в основном из частей армейской, дивизионной и полковой разведки. Многие из них, особенно командиры, имели боевой опыт. В ходе формирования единственного тогда спецназа широко использовался богатый боевой опыт советских партизан, разведчиков, диверсантов.

В 1968 году в штат Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища была введена отдельная рота, готовившая офицеров для частей и подразделений специального назначения. В программу подготовки, помимо других дисциплин, входило углубленное изучение иностранных языков.

Учебные подразделения и полк

С развитием частей и подразделений специального назначения возникла острая необходимость в подготовке младших командиров и специалистов, основанной на единой методике.

История 1071-го отдельного учебного полка специального назначения начинается в ноябре 1965 года, когда при отдельной бригаде спецназа Московского военного округа (место дислокации – поселок Чучково Рязанской области) формируется учебная рота. Первый командир – майор А. Галич.

В апреле 1969 года она передислоцируется в город Печоры Псковской области, а в июне 1971 года на базе роты развертывается 629-й отдельный учебный батальон специального назначения, командовать которым поручено подполковнику Ю. Батракову.

С 25 января 1973 года начато формирование 1071-го отдельного учебного полка специального назначения (в/ч 51064), которое заканчивается к 1 июня 1973 года. Боевое Знамя части вручается 11 июня 1974 года. Первым командиром полка становится подполковник В. Большаков.

Город Печоры

В настоящее время старинный русский город расположен на западной границе Российской Федерации. В 1920 году Печоры с окрестностями отошли к Эстонии и именовались Петсери. В 1940 году Эстония была присоединена к Советскому Союзу, а в 1945 году специальным указом правительства был образован Печорский район в составе Псковской области. Через город проходят транзитные пути, которые связывают центральные и северо-западные области России с Эстонией и Латвией. Численность населения районного центра порядка двадцати тысяч человек. Основная достопримечательность – Псково-Печорский Свято-Успенский монастырь, основанный в 1473 году. Это единственный православный мужской монастырь на территории бывшего Советского Союза, который не был закрыт мирскими властями ни на один день за всю свою многовековую историю.

Штат и структура полка

В штат полка входили следующие подразделения: управление, штаб, два учебных батальона, школа прапорщиков, рота обеспечения учебного процесса, рота материального обеспечения, медсанчасть и политический отдел. Контрразведывательное обеспечение части осуществлял военный чекист, иногда приезжавший из Пскова. Носил он форму славных Воздушно-десантных войск, но почему-то был обут в гражданские ботинки.

Остановлюсь на учебных батальонах. Я сам проходил службу в 3-й роте 1-го батальона. Но вначале несколько слов о 2-м учебном батальоне, который готовил радиотелеграфистов – «маломощников» (Р-394 КМ)⁷ и специалистов радио- и радиотехнической разведки (РРТР). Эти бойцы десантировались и действовали в составе разведгрупп и разведотрядов спецназа в тылу противника, обеспечивая связь разведывательного органа с Центром, а также осуществляли РРТР. Отбор в батальон должен был происходить после определения способностей курсанта к радиodelу. Например, важно учитывать умение принимать на слух знаки азбуки Морзе. Офицеры-связисты имели первоочередное право выбора из молодого пополнения. На деле же их отбор начинался на спортгородке, продолжался в ходе личных бесед для определения интеллектуального уровня человека и только после этого проверяли слух. Дальнейшая служба в Афганистане научила меня относиться с огромным уважением к радистам – выпускникам Печорского учебного полка, чей высочайший профессионализм не раз обеспечивал своевременное выполнение поставленных задач, сохранил не одну жизнь. Именно в Афгане я начал отдавать должное офицерам, в большинстве своем выпускникам Череповецкого высшего инженерного училища радиоэлектроники, готовившего высококлассных специалистов радиodelа.

1-й учебный батальон, 1-я и 2-я роты готовили командиров отделений. По окончании учебы курсантам, сдавшим выпускные экзамены на «отлично», присваивалось звание «сержант». Получившие хотя бы одну четверку становились младшими сержантами. Военнослужащие, не справившиеся с итоговой проверкой, уезжали в войска рядовыми.

Моя родная – 3-я – подготавливала разведчиков-минеров и операторов специализированных комплексов управляемых ракетных снарядов (УРС).

С первого дня службы в полку мы, курсанты, поняли, что каждая прожитая нами минута, любое наше действие основательно продуманы и контролируются начальниками всех уровней – от командира полка до командира отделения. Нам объяснили, что мы должны стать профессионалами в своем деле за относительно короткий отрезок времени. В дальнейшем – наставляли нас – полученные знания скорее всего пригодятся в Демократической Республике Афганистан, позволят выполнять поставленные задачи и остаться в живых.

Интенсивность процесса обучения была очень высокая. За пять месяцев разведчики должны были освоить минно-подрывное дело; научиться совершать парашютные прыжки со штатным вооружением и снаряжением на лес, воду, ограниченную площадку приземления; изучить тактику разведывательно-диверсионных подразделений, военную топографию, иностранные армии; значительно повысить уровень своей физической подготовки; научиться вести огонь из различного стрелкового вооружения. И, пожалуй, самое сложное – выучить иностранные языки для проведения допроса пленного: кому-то – английский, кому-то – немецкий, а мне, хабаровчанину, предназначенному для Уссурийской 14-й отдельной бригады специального назначения, достался китайский. Кроме этого, нам предстояли парково-хозяйственные работы, караулы и многочисленные другие наряды.

⁷ Здесь: модель конкретной радиостанции.

Курсанты, проходившие службу в полку, были особенные молодые люди. Дело в том, что все они прошли качественный многоступенчатый отбор, который начинался после получения ими приписного свидетельства. Они отличались абсолютным здоровьем, до армии прошли подготовку в системе ДОССАФ, большинство имело спортивные разряды и звания. Кроме этого, отбор этих призывников в полк осуществляли не только работники военкоматов, но и офицеры отдельных бригад спецназа, которым было далеко не безразлично, кто через полгода вернется из учебного полка для комплектования их соединений. Мой командир взвода, дослуживший в полку до ротного, неоднократно выезжавший за молодым пополнением в различные регионы Советского Союза, рассказывал, что комплектование команд для ВДВ, морской пехоты, пограничных войск не создавало столько проблем для военкоматов, как набор команды для спецназа ГРУ, потому что «купец» мог отставить любого кандидата, не подошедшего, на его взгляд, по тем или иным критериям.

Сержантский состав, отобранный из лучших курсантов предыдущих выпусков, имел свою «иерархию». Заместитель командира взвода был реальным начальником для командиров отделений. Сержанты были обоснованно требовательны к курсантам, не спускали ни малейшей провинности. Однако наказания очень редко переходили в плоскость неуставных отношений. По традиции провинившийся курсант повышал свою физическую выносливость. Основа взаимоотношений между курсантами – равенство, и один не мог стать сильнее других, поэтому «качались» повзводно.

Мой учебный взвод минирования, 1071 упСпН, г. Печоры

Прошло много лет, а я до сих пор поддерживаю дружеские отношения с моим заместителем командира взвода Павлом Шкипаревым.

Командиры взводов в основном выпускники Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, факультета специальной разведки, искренне любили свою работу и жили ею. На их плечах лежала основная нагрузка по обучению курсантов и организации их повседневной жизни. Находясь с нами от подъема до отбоя в поле, на стрельбище, в учебных классах, они честно делились своими обширными знаниями. По сравнению с выпускниками других училищ, на наш курсантский взгляд, «рязанцы» серьезно выделялись своим высоким про-

фессионализмом, более тонким пониманием путей и механизмов достижения целей. Соответственно, результаты их работы были высокими. При всем этом с уважением отношусь к выпускникам других военных училищ, с кем пришлось служить, воевать, ведь им приходилось осваивать эту непростую специальность, будучи уже офицерами.

Мой первый командир – лейтенант Павлов А. С., человек большой физической силы, в военном училище хорошо постигший искусство сражаться. Выдержанный, заботливый, умеющий поддерживать дисциплину в подразделении, офицер. Преподаватель от бога. Один из принципов его подхода к нам: «Солдата не надо жалеть, его надо беречь». Сначала было трудно, но на войне его науку вспоминал с благодарностью.

Наш курсантский выпуск был первым в длинной успешной военной карьере Александра Станиславовича. Через три года он принял под командование 2-ю учебную роту 1-го батальона. В дальнейшем, осуществив свою мечту, перевелся в войсковую часть специального назначения разведки Тихоокеанского флота, действовал в различных странах дальнего зарубежья. Прослужив более тридцати календарных лет в частях и подразделениях спецназа, закончил службу в Центре специального назначения ФСБ России в звании полковника.

Присяга, одним спецназовцем больше

Закаляя нашу волю, лейтенант воспитал из нас «победителей». Я не боялся очутиться в «горячей точке». Попав в Афганистан в 173-й ОоСпН⁸ уже подготовленным бойцом, был уверен, что, выполнив свой долг, вернусь домой. Не каждый, отслуживший «срочную», вспоминает своих командиров добрым словом. Нас же с Александром Станиславовичем время не разбросало – «подобное тянется к подобному». Горжусь дружбой с ним. Первый армейский командир остается для меня эталоном офицера специальной разведки, образцом преданности выбранной им профессии.

Все офицеры и сержанты нашего подразделения относились к командиру роты капитану Хомченко Н. Н. с чувством глубокого уважения за его человеческую и командирскую мудрость.

⁸ Отдельный отряд Специального Назначения.

Другие офицеры и прапорщики полка делали все, что требовалось для организации учебного процесса, обеспечивали нас всем необходимым. Их забота о нас ощущалась постоянно. Запомнился высокий профессионализм и самоотдача командира полка подполковника Морозова В. А., начальника штаба майора Бойко А. М. и начальника вещевого службы лейтенанта Тарасика С. Н.

Процесс обучения

Распорядок дня был обычным, но жестким. В шесть часов утра звучала команда: «Рота, подъем! Построение на утренний час физических занятий через одну минуту! Форма одежды номер три».

За бортом – минус пятнадцать. Зима. Еще сплю, но тело работает на автомате – быстро и четко. Окончательно проснись только после преодоления двухсот метров нашего забега. У нас самый бегающий взвод. Как всегда, впереди вижу взводного. От его голого торса валит пар. Движемся в Эстонскую ССР, населенный пункт Матсури – четыре километра туда, четыре обратно. (Сейчас удивительно осознавать, что теперь здесь Евросоюз и НАТО.) Во время бега все мысли сведены к одному: терпеть, не сдаться, добежать. Каждая зарядка всегда заканчивалась в начале обучения «к счастью», далее – просто, перед выпуском – «к сожалению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.